

**РЕШЕНИЕ
ОТ ИМЕНИ ЛАТВИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

Рига, 21 декабря 2001 года

Дело № 2001-04-0103

Конституционный суд Латвийской Республики в следующем составе: председатель судебного заседания Айварс Эндзиньш, судьи Илма Чепане, Романс Апситис, Юрис Елагинс, Андрейс Лепсе, Илзе Скултане и Анита Ушацка, с секретарем судебного заседания Эггидей Фреймане, при участии Яутрите Бриедэ – представителя заявителя конституционной жалобы Юты Менцены

и представителей органов, издавших оспариваемые акты, – представителя Саэймы руководителя Юридического бюро Саэймы Гунарса Кусиньша и представителя Кабинета министров заместителя государственного секретаря Министерства юстиции Солвиты Харбацевичи,

на основании статьи 85 Конституции Латвийской Республики, пунктов 1 и 3 статьи 16 а также пункта 11 части первой статьи 17 Закона о Конституционном суде,

в Риге 21 ноября 2001 года на открытом судебном заседании рассмотрел дело

“О соответствии статьи 19 Закона о государственном языке и правил Кабинета министров № 295 “Правила о написании и идентификации имен и фамилий” от 22 августа 2000 года статьям 96 и 116 Конституции Латвийской Республики”.

Конституционный суд

к о н с т а т и р о в а л :

13 июля 2001 года Юта Менцендорфа (далее – заявительница) обратилась в Конституционный суд с конституционной жалобой в связи с тем, что ей после вступления в брак с гражданином Федеративной Республики Германии *Ferdinand Carl Friedrich Mentzen* и принятия фамилии мужа *Mentzen* Управлением по делам гражданства и миграции был выдан паспорт с фамилией *Mencena*, с указанием в примечании паспорта на 14 странице на английском языке, что оригинальной формой данной фамилии является *Mentzen*.

До этого, 3 декабря 1999 года, заявительница, считая, что ее переделанная на латышский лад фамилия резко отличается от фамилии мужа и что это может создать дополнительные проблемы при доказательстве идентичности лица, обратилась в суд Центрального района города Риги с жалобой о незаконном действии должностного лица.

23 марта 2000 года суд Центрального района города Риги решил отклонить жалобу, так как паспорт заявительницы оформлен в соответствии с требованиями нормативных актов. Фамилия немецкого происхождения *Mentzen* в паспорте отображена в соответствии с нормами правописания латышского литературного языка и в соответствии с правилами отображения имен собственных немецкого языка по возможности ближе к произношению на немецком языке – *Mencena*. Кроме того, суд обосновал свою точку зрения справкой Консультационной службы по государственному языку Института латышского языка Латвийского Университета от 21 декабря 1999 года за № а-016447 о написании фамилии *Mentzen* на латышском языке.

12 апреля 2000 года заявительница обратилась с апелляционной жалобой в Рижский окружной суд.

24 октября 2000 года Коллегия по гражданским делам Рижского окружного суда, признав, что суд первой инстанции свои выводы о фактических обстоятельствах дела и применении материальных правовых норм в решении мотивировал в соответствии с требованиями закона, отклонил жалобу заявительницы о противоправных действиях должностного лица Управления по делам гражданства и миграции.

30 ноября 2000 года на решение апелляционного суда Департаменту по гражданским делам Верховного суда была представлена кассационная жалоба.

31 января 2001 года кассационный суд признал, что апелляционный суд имел основание признать, что частная и семейная жизнь заявительницы не затронута. Так как кассационная жалоба не включает существенно новые аргументы, на основании которых выводы апелляционного суда можно было бы переоценить, кассационная жалоба была отклонена.

В заявлении **заявительница** просит Конституционный суд признать статью 19 Закона о государственном языке (далее – Закон о языке) и правила Кабинета министров

№ 295 “Правила о написании и идентификации имен и фамилий” от 22 августа 2000 года (далее – правила № 295) не соответствующими статьям 96 и 116 Конституции Латвийской Республики (далее – Конституция).

Заявительница считает, что Закон о языке и правила № 295, на основании которых была внесена запись в ее паспорт, затрагивают установленные статьями 96 и 116 Конституции основные права индивида. Статья 96 Конституции устанавливает права на неприкосновенность частной жизни, а при отображении на латышский язык фамилии заявительницы, полученной в браке, затрагивается ее частная жизнь. Заявительница сослалась также на решения Европейского Суда по правам человека [*no делам Stjerna v. Finland (1994) и Burghartz v. Switzerland (1994)*], которыми признано, что имя лица является составной частью частной жизни.

В заявлении подчеркнуто, что написание фамилии, не соответствующее оригинальной форме фамилии, ограничивает частную жизнь заявительницы. Например, чиновники Германии запись на 14 странице паспорта не приняли во внимание, поэтому с пропиской по месту жительства возникли трудности.

В заявлении указано, что согласно статье 116 Конституции право на неприкосновенность личной жизни может ограничиваться только в случаях защиты прав других людей, демократического устройства государства, безопасности, благосостояния и нравственности общества. Заявительница считает, что отображение фамилии на латышском языке не достигает ни одной из упомянутых целей, поэтому это ограничение частной жизни нелегитимно.

Кроме этого в заявлении упомянуто, что ограничение является непропорциональным, так как затрагивание прав заявительницы больше той пользы, которую государство от этого получает.

4 октября 2001 года иск в Конституционный суд был дополнен просьбой признать не соответствующим статьям 96 и 116 Конституции также пункт 6 правил Кабинета министров № 310 “Правила о паспортах граждан Латвии” от 24 октября 1995 года (далее – правила № 310), которыми регламентировано написание имен и фамилий в паспортах.

В ответе **Саэймы** утверждается, что Закон о языке соответствует статьям 96 и 116 Конституции.

Саэйма указала, что оспариваемая статья закона состоит из трех частей. Часть первая признает, что в латышском языке существуют традиции по отображению личных имен, и устанавливает, что личные имена пишутся в соответствии с существующими нормами литературного языка. Существование традиций латышского языка и литературных норм само по себе не может противоречить Конституции.

Из части второй статьи 19 следует, что оригинальная форма личного имени другого языка может отличаться от норм латышского языка. В данном случае эти личные имена пишутся в соответствии с действующими нормами латышского языка. Причем, данное требование относится только к официальным подтверждающим личность документам – паспорту и свидетельству о рождении, которые выдаются в Латвии. Таким образом достигается, что личные имена отображаются по единой системе. Заинтересованность общества в сохранении данной системы обоснованна, так как желание одного лица не распространять существующие в написании личных имен нормы на себя не может служить основанием для других лиц выдвигать подобные требования. Поэтому написание личных имен не является только частным делом одного лица, а затрагивает интересы всего общества.

Причем часть вторая статьи 19 предлагает в упомянутых документах “в дополнение к имени и фамилии лица” записать оригинальную форму личного имени. В законе нет указания на конкретный способ, каким эта запись производится.

Для регламентации написания и использования в латышском языке личных имен других языков часть третья упомянутой статьи закона делегирует Кабинету министров право издавать соответствующие правила. Данное делегирование само по себе нельзя считать противоречащим правовым нормам высшей юридической силы.

В ответе Саэймы сказано, что статья 116 Конституции, а также часть вторая статьи 8 Европейской Конвенции по защите прав и основных свобод человека для защиты прав других людей допускает ограничения неприкосновенности частной жизни. Использование личных имен затрагивает

интересы всего общества, так как необходима единая система написания и использования личных имен. В интересах общества также обеспечение узнаваемости личных имен и, следовательно, лиц.

Сазйма подчеркивает, что конкретное ограничение признается социально необходимым и польза, которую общество получает при сохранении нынешнего подхода в передаче личных имен, больше чем ограничение прав лица.

В ответе **Кабинета министров** указано, что правила № 295 изданы согласно Закону о языке. Данными правилами регламентируется один из двух возможных в языкознании принципов отображения личных имен других языков – транскрипция, то есть, слова отображаются по произношению, а не по написанию (транслитерация). Государства для отображения личных имен выбирают один из данных принципов.

В ответе признано, что в обоих случаях при отображении личных имен могут возникнуть трудности. В конкретном случае эти трудности больше следуют из того, в каком месте паспорта записана оригинальная форма личного имени, а не из принципа отображения.

Правилами № 295 предусмотрен исключительно порядок, в каком личное имя и фамилия пишется и используется в латышском языке, а также пишется и идентифицируется в документах.

Кабинет министров в ответе подчеркнул, что правилами № 295 права лица ограничиваются для защиты демократического государственного строя, а также существенных прав других людей. С учетом закрепления в Конституции латышского языка как государственного языка, а также особенностей исторического развития Латвии, любое ограничение использования латышского языка на территории государства следует считать ограничением государственного демократического строя. Правила № 295 необходимы для обеспечения права жителей Латвии свободно пользоваться латышским языком на всей территории Латвии.

Право общества пользоваться правильным, литературным латышским языком следует из статьи 4 Конституции. Упомянутая норма Конституции является юридической основой для использования латышского языка в выданных в Латвийской Республике документах.

В ответе Кабинета министров указано, что при оценке соразмерности ограничений следовало бы учитывать и то, каким образом и в какой мере оспариваемые нормы могли бы создать сложности для лица. Так как они предусматривают возможность указать в паспорте не только форму транскрибированного личного имени, но и оригинальную форму имени и фамилии, достигнута защита от возможных недоразумений. Причем, некомпетентность отдельных чиновников и необоснованное игнорирование записи, произведенной на странице 14 удостоверяющего личность документа – паспорта, не является достаточным аргументом для констатации нарушения принципа соразмерности.

Кабинет министров считает, что регулирование пункта 6 правил № 310 в отношении записи оригинальной формы имени и фамилии лица в графе паспорта “особые отметки” не противоречит Конституции, так как такое ущемление частной жизни соразмерно защищаемым интересам общества и государства.

В ответе указано, что установление места записи оригинальной формы личного имени в графе паспорта “особые отметки” согласно всеобщей практике находится в компетенции Кабинета министров, таким образом Кабинет министров конкретизировал установленные законодателем основные линии. Причина возникновения нормы такого содержания связывается с ратифицированной 3 июня 1992 года Верховным Советом Латвийской Республики Международной конвенцией о гражданской авиации (далее – Конвенция). Согласно Конвенции государство обязуется обеспечить стандартизацию данных лица в паспортах в соответствии с документом “Машиночитаемые дорожные документы” (далее – Док 9303), которые содержат разработанные Международной организацией по гражданской авиации (*International civil aviation organization – ICAO*) требования в отношении дорожных документов. Упомянутый документ предусматривает, что личное имя в зоне визуальной проверки страницы данных паспорта фиксируется в написании страны-издателя, но это не предусматривает внесение оригинальной формы в ту же зону. Поэтому единственным возможным местом записи оригинальной формы признана графа паспорта “особые отметки”.

При установлении места записи оригинальной формы имени и фамилии лица Кабинет министров, во-первых, хотел защитить право лица на его частную жизнь, так как любое должностное лицо должно замечать паспортные данные лица, включая отраженные в графе “особые отметки”, например, заверение факта регистрации брака лица, место прописки лица. Во-вторых, при установлении того, что оригинальную форму имени и фамилии лица следует указывать не на листе данных, а в графе “особые отметки”, Кабинет министров учитывал международные стандарты, технические возможности и необходимость избежать недопониманий.

В ответе подчеркнуто, что Латвийская Республика не имеет ни материальных, ни технических возможностей записать всем лицам в лист данных паспорта оригинальную форму их фамилии. Такое требование индивида несоразмерно, так как в смысле юридических последствий указание оригинальной формы в листе данных и графе “особые отметки” ничем не отличается. Кабинет министров признает, что единственным приобретением лица от того, что оригинальная форма его фамилии была бы указана в листе данных паспорта, могло скорее быть эмоциональное, а не юридическое.

Кроме того, в ответе указано, что разработаны и заказаны новые паспорта граждан, в которых оригинальная форма имени и фамилии будет указана на странице 5, то есть, на следующей после листа данных. Таким образом, будет принято во внимание также эмоциональное отношение лица к написанию своего имени или фамилии и размещению соответствующей записи.

По делу была установлена **экспертиза** об отображении на латышском языке личных имен других языков. Экспертами по делу были приглашены профессор Латвийского Университета Ина Друвиете и руководитель Службы консультаций по государственному языку Центра государственного языка Мелита Стенгревица.

Оба эксперта признали, что имена собственные чужого происхождения традиционно отображались по возможности близко к их произношению на оригинальном языке, с использованием латинских букв латышского алфавита в

соответствии с нормами орфографии соответствующего периода времени. Использование личных имен чужого происхождения в их оригинальной форме считается вмешательством в систему латышского языка.

В свою очередь, склоняемые окончания являются основой грамматической системы латышского языка, поэтому латышский язык без них нельзя представить. Окончания указывают на род, число и функцию слова в предложении. Синтаксис латышского языка применением форм без окончания может быть разрушен и конкретные тексты могут стать даже непонятными.

Эксперты считают, что у внедрения изменений в написание личных имен в документах могут быть далеко идущие последствия во всех областях использования латышского языка. Написание в соответствии с произношением слова в латышском языке укоренилось глубже чем в других языках латинского написания.

Кроме того, расширение области применения форм без окончаний реально угрожает качеству латышского языка и, следовательно, функции латышского языка в обществе Латвии. Эксперты признают, что соблюдение соответствующих системе латышского языка, традиционных и кодифицированных норм, в том числе в области написания личных имен, является неотъемлемой составной частью статуса государственного языка.

На судебном заседании представительница заявительницы Я. Бриеде иск поддержала и указала, что в листе данных паспорта зафиксирована только та форма фамилии, в которой она выговаривается в латышском языке, и нет ссылки на то, что у нее может быть оригинальная форма. В свою очередь, на странице 14 паспорта запись только на английском языке.

Представительница заявительницы подчеркнула, что паспорт является документом, подтверждающим идентичность лица, а не документом, в котором видно произношение соответствующего имени на латышском языке. Причем, паспорт используется не только в Латвии, это документ, который необходим для путешествий.

Я.Бриеде на судебном заседании признала, что использование личных имен затрагивает интересы всего общества.

Однако, защита прав одних людей, с облегчением произношения их личного имени, противоречит правам других людей, например, идентифицировать соответствующее лицо.

Представительница заявительницы подвергла сомнению стабильность традиций латышского языка, так как бывают исключения, когда в Латвии используется оригинальная форма личных имен, например, при выдаче иностранному гражданину удостоверения регистрации транспортного средства. Кроме того, она высказала мнение, что такие интересы защиты языка в других местах в мире трудно объяснить.

На судебном заседании представитель Сазймы Г.Кусиньш попросил отклонить заявление в части, которая относится к Закону о языке.

В дополнение к высказанному в ответе Сазймы он указал, что формулировки Закона о языке “согласно традициям латышского языка” и “в соответствии с действующими нормами латышского языка” являются эластичными. Поэтому, при изменении языковых традиций и языковых норм закон не следует менять.

Говоря о делегировании Кабинету министров, который данный вопрос регламентирует детально, Г.Кусиньш подчеркнул, что для того, чтобы не допустить произвола, в государстве необходим единый порядок, то есть, конкретная единая система написания личных имен. Следует учесть, что традиции и нормы латышского языка могут развиваться. При сохранении в отображении личных имен единого подхода единая система гарантирует интересы общества.

Представитель Сазймы подчеркнул, что запись в паспорте идентифицирует конкретного человека, однако, данный документ не удостоверяет принадлежность лица к семье.

Представительница Кабинета министров С.Харбацевича на судебном заседании дополнительно указала, что при оценке легитимности и соразмерности ограничения частной жизни следует учитывать роль латышского языка как государственного языка Латвии. Целью ограничения является увеличение влияния государственного языка. Государственный язык – это также средство интеграции общества. В Латвии государственный язык считается существенной составной частью демократического государства. Поэтому

рассматриваемое ограничение частной жизни является легитимным

Кроме того, говоря о Док 9303, С.Харбацевича указала, что он имеет рекомендательный характер.

Свидетельница Андра Таллия на судебном заседании пояснила, что и ее фамилия, полученная в браке, была отображена на латышском языке. В течение года после вступления свидетельницы в брак произошли два случая, когда при получении почтовых отправлений из-за отображенной фамилии возникли затруднения. Прошло несколько дней, пока были получены отправления. Затруднения возникли также на избирательном участке, где работница высказала непонимание по поводу оригинальной формы фамилии, которая на английском языке указана на странице 14 паспорта. И хотя недоразумение выяснилось, это все же доставило свидетельнице неприятные мгновения. Также необходимость в дополнительном разъяснении возникает в международных аэропортах, особенно в Лондоне. Такие недоразумения у свидетельницы вызывают неприятные эмоции. Свидетельница отображение фамилии считает выступлением против нее как человека, так и против ее семьи.

Приглашенная представительницей заявительницы психолог Байба Мартинсоне на судебном заседании пояснила, что имя человека самым тесным образом связано с ядром его личности. Идентичность человека образуется внутренне, и ее нельзя навязать. Если в быту подвергается сомнению имя человека, у него возникает ощущение, что сомнению подвергается также его идентичность. Ю.Мартинсоне высказала мнение, что имя лица должно быть зафиксировано таким, каким оно является, а не таким, чтобы каждый смог его прочесть.

Приглашенное лицо – судья земельных книг Айя Биеза на судебном заседании признала, что на практике правила отображения личных имен применяются непоследовательно. Проблемы возникают именно с отображением имен и фамилий иностранных лиц (имеются в виду иностранные граждане).

Приглашенное лицо – директор Департамента актов гражданского состояния Ария Иклава на судебном заседании

указала, что в течение трех последних лет 1024 лиц вступили в брак с иностранцами. При отображении личных имен серьезные проблемы не возникали, так как учреждения актов гражданского состояния в равной мере уважают все разделы паспорта.

Приглашенное лицо – руководитель Паспортного центра Управления по делам гражданства и миграции Андрис Крекис на судебном заседании указал, что фамилию *Mentzen* заявительница получила по закону Германии, а не Латвии. Латвия признает выданные в иностранных государствах свидетельства о браке. Заявительницу “сделал” *Mencena* оператор Управления по делам гражданства и миграции при заполнении карточки о введении данных в Регистр жителей. Данная форма фамилии, к сожалению, не совпадает с записью в документе, в данном случае в свидетельстве о браке.

А.Крекис подчеркнул, что паспорта выдаются согласно данным Регистра жителей. Это означает, что на листе данных паспорта можно напечатать только то, что введено в Регистр жителей.

Он признал, что у заявительницы могут возникнуть проблемы также с новым машиночитаемым паспортом гражданина, так как каждая буква фамилии будет переноситься в машиночитаемую часть листа данных паспорта. Стандарт Международной организации гражданской авиации о машиночитаемых паспортах создан для облегчения, а не усложнения межгосударственных связей. Но отображенные в паспорте заявительницы имя и фамилия (“*full name*”) в машиночитаемой зоне будут отличаться от фамилии ее мужа в данной зоне. А.Крекис прогнозировал, что несовпадение личного имени в документах заявительницы (паспорте, визе, разрешении на пребывание) может доставить ей довольно серьезные трудности в Германии, и признал, что существующая нормативная база в отношении граждан такова, что не способствует сохранению их прав и достоинства за границей.

Руководитель Паспортного центра признал, что запись на странице 14 паспорта чиновники Германии, возможно, восприняли не как фамилию, а как “рассказ” о том, каким

образом на лист данных паспорта попала та или иная фамилия.

Однако, он также указал, что Латвия как страна-участница Конвенции имеет право обратиться в Международную организацию гражданской авиации со своими предложениями о написании в паспортах личных имен. То, писать ли в паспорте оригинальную форму личного имени или отображенную на латышском языке форму, оставлено на усмотрение только самой страны-участницы. Одновременно он не отрицал, что в лист данных нового машиночитаемого паспорта технически возможно включить отметку об оригинальной форме личного имени другого языка.

Эксперт И.Друвиете на судебном заседании в дополнение к высказанному в заключении подчеркнула, что в мире стремительно развиваются лингвистические права человека и с этой точки зрения можно оспорить заключение, что фамилия является составной частью частных прав. Она высказала мнение, что фамилия существует не для удобства лица, а для удобства общества. Именно поэтому в определенном обществе фамилия выбирается и отображается по законам общества. В том числе и лицо более идентифицируется со своим именем, а не фамилией, так как фамилия в течение жизни может меняться даже несколько раз. Поэтому следует оценить, что важнее – психологическая ранимость собственника одной фамилии или языковое ощущение нескольких миллионов носителей того же языка. Ни один человек не имеет право заставить общество использовать противоестественные для языкового ощущения большинства формы, например, формы без окончания. Это не соответствует основным принципам демократии.

И.Друвиете признала, что с учетом неординарности ситуации Латвия должна найти способ, как одновременно сохранить уникальность латышского языка и соблюсти также понятные для Европы принципы.

Она подчеркнула, что в системе языка нет мелочей. Если бы в документах лиц, которые вступили в брак с иностранцами, была записана оригинальная форма приобретенной фамилии, то возник бы прецедент, который повлиял бы на другие области использования личных имен, топонимы и даже имена нарицательные. Если прецедент будет допущен в

одном, двух или трех случаях, никто уже не сможет установить границу, после которой такая практика больше не допускалась бы. Результатом была бы эрозия системы языка, что нанесло бы существенный вред развитию языка и, следовательно, также статусу латышского языка.

Кроме того, И.Друвиете признала, что в данном случае забота об идентичности семьи несколько преувеличена, так как нередко у мужа и жены бывает у каждого своя фамилия. Ни паспорт, а свидетельство о браке является тем документом, который доказывает единство семьи.

Эксперт М.Стенгревица на судебном заседании присоедижилась к высказанному И.Друвиете и подчеркнула, что при внедрении в рамках языка не соответствующих ему форм, наносится вред главной и существенной задаче языка – служить средством коммуникации. Она также признала, что проблема транскрипции существует в глобальном масштабе, так как нет такого латинского алфавита, который охватывал бы все существующие в мировых языках звуки.

Конституционный суд, оценив соответствие оспариваемых актов Конституции,

сделал вывод:

1. Статья 96 Конституции устанавливает право каждого на неприкосновенность частной жизни. Имя человека отличает его от других людей. В свою очередь, фамилия является именем семьи, которое наследуют поколения и которое указывает также на родственные связи. Имя и фамилия обеспечивают существование человека как самостоятельной части общества. С одной стороны, имя и фамилия человека самым тесным образом связаны с чувством идентичности человека, следовательно, также с его личной и семейной жизнью. С другой стороны, имя и фамилию использует не только сам ее собственник. У имени и фамилии лица в обществе также важная эмоциональная функция – они дают возможность идентифицировать человека. Поэтому обществу важно, чтобы полученные имя и фамилию самовольно не изменяли ни сам индивид, ни государственные органы. Система фамилий была внедрена только для удобства общества. Также Европейский Суд по правам человека своими решениями признал связь имени лица с его частной жизнью, а также то, что имя является формой идентификации лица, оно устанавливает

связь лица с семьей и в известной мере затрагивает право образовывать отношения с другими [см. *Stjerna v. Finland (1994)*, *Burghartz v. Switzerland (1994)*].

Так как имя и фамилия лица являются составной частью частной жизни данного лица, они защищаются статьей 96 Конституции.

2. Заявительница в результате заключенного в Германии и с гражданином Германии брака получила фамилию *Mentzen*. Латвийское государство при выдаче заявительнице как гражданке Латвии нового паспорта полученную в браке фамилию отобразило как *Mencena*. Фамилия отображена в соответствии с установленным Законом о языке, что “личные имена отображаются согласно традициям латышского языка и пишутся в соответствии с действующими нормами литературного языка”. Так как написание отображенной фамилии отличается от написания ее оригинальной формы, написание фамилии заявительницы в ее паспорте отличается от написания фамилии ее мужа, а также от написания указанной в свидетельстве о браке общей фамилии супругов.

Конституционный суд согласен с утверждением заявительницы, что отображение фамилии ее задевает. То, что написание отображенной фамилии заявительницы отличается от написания фамилии мужа, причиняет ей психологический дискомфорт и создает неудобства социального характера. В быту возникают сложности, так как необходимо представлять дополнительные пояснения о своей связи с супругом. Неясности устраняются, но это требует определенного времени.

Вступление в брак является одним из видов, каким лицо может получить другую фамилию. С момента записи вновь приобретенной фамилии в свидетельство о браке лицо приобретает как права, так и обязанность пользоваться данной фамилией для обозначения себя. Одной из основных функций имени и фамилии в обществе является гарантирование возможности идентификации лица и установление связи носителя имени с семьей.

С учетом как психологического отношения заявительницы к отображенной фамилии, так и бытовых сложностей, которые, особенно за границей, выражаются таким образом, что другим лицам трудно установить ее связь с семьей, а

также с учетом того, что стабильность фамилии затрагивает не только частную жизнь лица, но и интересы общества, **условие об отображении личного имени (фамилии) другого языка согласно традициям латышского языка и его написании на основе норм латышского языка в выданных Латвией паспортах считается ограничением частной жизни.**

3. Статья 116 Конституции устанавливает, что право лица на неприкосновенность частной жизни можно ограничить в предусмотренных законом случаях для защиты прав других людей, демократического государственного устройства, безопасности, благосостояния и нравственности общества.

3.1. Установленное в Законе о языке, а именно, что “личные имена отображаются согласно традициям латышского языка и пишутся в соответствии с действующими нормами латышского языка”, далее конкретизировано в правилах № 295, где предусматривается, что “имена и фамилии, происходящие из других языков, в латышском языке отображают (выражают звуками и буквами латышского языка) по возможности близко к их произношению и в соответствии с правилами отображения имен собственных других языков”.

Таким образом, компетентный орган латвийского государства при выдаче заявительнице паспорта с отображенной фамилией *Менсена* действовал в соответствии с Законом о языке и правилами № 295.

Следовательно, ограничение частной жизни заявительницы установлено законом и конкретизировано правилами Кабинета министров.

3.2. Необоснованной является точка зрения заявительницы, что латышское отображение фамилии не достигает ни одной из упомянутых легитимных целей. Личные имена являются одним из элементов языка, и то, согласно каким правилам они используются, влияет на всю систему языка. Из материалов дела видно, что заявительница по существу оспаривает сам характерный для латышского языка принцип отображения личного имени другого языка. Поэтому при оценке того, легитимна ли цель ограничения частной жизни, следует учитывать роль латышского языка в Латвии.

Статья 4 Конституции при установлении того, что латышский язык в Латвийской Республике является государственным языком, предоставляет ему конституционный статус. Конституционный статус государственного языка усиливает юридическое основание для использования латышского языка в выданных Латвийской Республикой документах. Принимая во внимание факт, что паспорт гражданина Латвии является официальным документом, который не только идентифицирует лицо, но и подтверждает длительную правовую связь между лицом и государством, имя и фамилия лица пишется на государственном языке.

Статьей 4 Конституции юридически закреплены также права жителей Латвии использовать латышский язык как в устном, так и в письменном общении. Конституционный суд согласен с заключением эксперта И.Друвиете, что фамилию лица использует не только ее собственник, но и широкое общество, поэтому фамилию следует регламентировать именно для удобства общества и других людей.

Принимая во внимание исторические особенности, то, что численный состав латышей в течение 20-го века на территории государства уменьшился, в отдельных больших городах, в том числе в Риге, основная нация все еще является меньшинством (см. *Latvijas statistikas gadagrāmata 2001, Rīga, ЦСУ, 2001, стр.41*) и латышский язык только недавно восстановил статус государственного языка, необходимость защищать государственный язык и укреплять пользование им тесно связана с государственным демократическим строем Латвии.

При соблюдении закрепления латышского языка как государственного языка в Конституции, а также того, что в условиях глобализации Латвия является единственным местом в мире, где могут гарантироваться существование и развитие латышского языка и, следовательно, основной нации, сужение области использования латышского языка как государственного языка на территории государства считается также угрозой демократическому государственному строю.

Конституционный суд Литвы также признал, что государственный язык сохраняет идентичность нации, объединяет нацию, обеспечивает выражение национального суверен-

нитета, а также неделимость государства [см. решение по делу № 14/98 “On writing of names and family names in passports of citizens of the Republic of Lithuania” (1999)].

Поэтому частная жизнь заявительницы ограничивается для защиты права других жителей Латвии свободно пользоваться латышским языком на всей территории Латвии и для защиты демократического государственного строя.

Таким образом ограничение частной жизни заявительницы имеет легитимные цели.

4. Для оценки по данному делу необходимости установленного ограничения следует проверить, соразмерно ли вмешательство государства в частную жизнь заявительницы легитимным целям.

4.1. Невмешательство в частную жизнь лица является одной из основных ценностей демократического общества. Однако, право лица на неприкосновенность частной жизни также имеет границы в обществе.

Конституционный суд не сомневается, что написание личных имен в документах имеет прямое влияние также и на другие области использования языка, так как они тесно связаны. При допущении написания личных имен других языков в документах только в оригинальной форме закономерным было бы дальнейшее расширение областей их использования, так как личные имена используются в текстах различных видов. Изолировать написание личных имен других языков в документах от других областей использования языка невозможно. Это реально угрожало бы качеству латышского языка и вместе с тем функциям латышского языка в обществе Латвии.

Из материалов дела видно, что ограничение частной жизни ни заявительнице, ни свидетельнице не запретило осуществить другие их права, например, пересечь границы своего государства и других государств, реализовать избирательное право, получить почтовые посылки. Те неудобства, которые у индивида возникли в быту вследствие отображенной в паспорте фамилии, нельзя считать достаточным основанием для нераспространения на него условий, следующих из статуса государственного языка.

Конституционный суд считает, что угроза функционированию единой системы латышского языка при допущении

написания личных имен других языков в документах только в оригинальной форме больше чем неудобства, возникающие у лиц при пользовании паспортом с фамилией, отображенной в соответствии с традициями латышского языка.

При существовании таких обстоятельств функционирование латышского языка как единой системы в Латвии является социальной необходимостью, а не волюнтаристской прихотью государственной власти.

Отображение фамилии в отдельных случаях может усложнить возможность идентификации лица или установление его связи с семьей (супругом), однако, интересы защиты статуса латышского языка как государственного языка, следовательно, также и интересы обеспечения демократического государственного устройства это оправдывают.

4.2. Необоснованным является мнение заявительницы, что приобретенная ею в браке фамилия была преобразована. **Отображение** личного имени является не его переводом на латышский язык (это не придание личному имени латышского звучания), а его приспособление к грамматическим особенностям латышского языка.

В мире существует значительное число широко используемых систем письменности, и их различие объективно устанавливает, что сохранение оригинала при переходе с одной системы письменности на другую невозможно. Вследствие различия алфавитов полное соответствие оригиналу недостижимо также и между языками письменности латинским алфавитом. В латышском языке с начала письменного языка закрепилась традиция отображать личные имена других языков не в соответствии с их письменностью, а звучанием на оригинальном языке. Правилами № 295 в правовой форме закреплен упомянутый характерный для латышского языка принцип отображения личных имен других языков – транскрипция или отображение слов по их произношению в оригинальном языке.

Как Закон о языке, так и правила № 295 ссылаются на нормы литературного языка. Согласно заключению экспертов грамматической основой латышского языка являются склоняемые окончания. Окончания указывают на род имен нарицательных и имен собственных, на единственное или множественное число, а также на функцию слова в предло-

жении. Присоединенное к личному имени склоняемое окончание указывает на род носителя имени. Во многих языках индоевропейского семейства языков (например, английском, немецком, французском языке) личные имена или вообще не имеют грамматического рода, или же женские и мужские фамилии по форме не различаются. Поэтому в данных языках личные имена других языков возможно включить в предложение в их оригинальной форме, причем, без нарушения грамматической системы языка. В свою очередь, в латышском языке личное имя другого языка в предложение можно включить и понять его значение только в том случае, если его пишут так, как произносят, и если к нему присоединено окончание. Следовательно, традиции отображения личных имен других языков основываются на особенностях грамматического типа латышского языка.

Поэтому нельзя согласиться также с утверждением заявительницы, что нарушение ее прав больше, чем польза, которую государство от этого получает. Таким ограничением частной жизни лица государство способствует стабильности системы латышского языка. Соблюдение соответствующих системе латышского языка, традиционных и кодифицированных норм в любой области использования и написания личных имен, в том числе в документах, в конкретных исторических условиях государства является неотъемлемой составной частью реализации статуса государственного языка.

Переход на другой принцип в написании личных имен, а именно, на их написание только в оригинальной форме, во время, когда латышский язык еще только укрепляется как государственный язык, может отрицательно повлиять на данный процесс.

4.3. Чтобы по возможности уменьшить неудобства, которые лицу причиняет отображение личных имен, Закон о языке устанавливает, что “в паспорте лица ... дополнительно к имени и фамилии лица, которые отображены ..., следует указать ... оригинальную форму личного имени другого языка для данного лица, если лицо ... это хочет и может подтвердить это документами”.

Смысл слова “дополнительно” Кабинет министров конкретизировал правилами № 310. Их пункт 6 устанавливает: “...

если лицо хочет, оригинальную форму его имени и фамилии на основании подтверждающего это документа следует записать в графу “особые отметки”. Документ, подтверждающий оригинальную форму имени и фамилии, представляет само лицо.”

При оценке пункта 6, во-первых, следует обратить внимание на обстоятельство, что правила № 310 после вступления в силу Закона о языке не изменены соответствующим образом. Поэтому следует считать, что использованное в данном предложении понятие “оригинальная форма имени и фамилии” включает также оригинальную форму личного имени другого языка.

Во-вторых, пункт 6 устанавливает место записи оригинальной формы личного имени другого языка, то есть, графу “особые отметки”, где кроме прочего производятся также отметки о регистрации брака и расторжении брака, о регистрации по месту жительства и выбытии с места жительства, об участии в выборах или референдуме и т.д. (см. пункт 8 правил № 310).

Так как отображение личных имен других языков считается ограничением частной жизни, которое имеет не только психологический характер, но которое иногда создает индивиду также и сложности, неудобства и недоразумения при путешествиях, заключении договоров и в других случаях, применение данного установленного законом ограничения должно быть по возможности бережней, с уважением индивидуальности человека и его связи с семьей.

Однако 10 ноября 1994 года раздел 3 инструкции “О порядке применения “Положения о паспортах граждан Латвийской Республики”, утвержденной приказом № 52 директора Департамента гражданства и иммиграции Министерства внутренних дел (далее – Инструкция), предусматривает, что оригинальная форма личного имени другого языка записывается только на страницу 14 паспорта, то есть, после других вышеупомянутых сведений. Кроме того, пункт 3.8 Инструкции, вопреки части второй статьи 19 Закона о языке и правилам № 310, допускает возможность, что данную оригинальную форму в паспорт “можно записать” по просьбе гражданина Латвии, если “форма существенно изменилась по сравнению с предыдущими документами лица”.

Таким образом, без изменения Инструкции после вступления в силу вышеупомянутых нормативных актов в процессе выдачи паспорта возможно даже игнорировать просьбу индивида зафиксировать оригинальную форму личного имени в паспорте.

Нельзя согласиться с аргументом Кабинета министров, что в нынешних паспортах Латвии (стр. 3) и в новых паспортах, которые уже “разработаны и заказаны”, в так называемой зоне визуальной проверки 06/07/11 нельзя произвести запись оригинальной формы личных имен других языков или отметку, что оригинальную форму следует искать на какой-то другой странице паспорта. Ссылаясь на пункт 3.4.1 приложения 9 Конвенции и Док 9393, Кабинет министров не учел, что Конвенция и соответствующие приложения к ней не только не запрещают помещать в данную зону такую отметку, но и непосредственно предусматривают такую возможность. Например, пункт 9.3 приложения 3 раздела 3 Док 9303 рекомендует в зоны визуальной проверки машиночитаемых паспортов не включать отметки о присвоенных и наследованных титулах, профессиональном или высшем образовании, премиях и наградах. Однако в том случае, если государство включение таких отметок считает необходимым и это установлено законами, вышеупомянутые элементы в виде отметок можно включать в зону визуальной проверки паспорта. Приглашенное лицо А.Крекис и эксперт М.Стенгревица также признали, что оригинальную форму личного имени другого языка в транслитерации латинского алфавита технически можно включить как особую отметку как на страницу 3 нынешнего паспорта, так и на лист данных нового паспорта.

Так как транскрипция личных имен в документах законом установлена только в одном государстве Европы – в Латвии (*см. заключение эксперта И.Друвиете на странице 536 дела*), Кабинет министров, если он считал, что Док 9303 не предусматривает включение в зону визуальной проверки паспорта отметки оригинальной формы личных имен других языков, имел возможность учесть статью 38 Конвенции, которая регулирует действия государства в случаях, когда трудно соблюсти все аспекты международных стандартов или процедур. В таких случаях соответствующее государст-

во должно немедленно сообщить Международной организации гражданской авиации об отличиях между практикой данного государства и тем, что установил международный стандарт.

Необоснованными являются опасения Кабинета министров, что оригинальную форму личных имен других языков на листе данных было бы необходимо писать не только латинскими, но и буквами других алфавитов и поэтому “Латвийская Республика неспособна материально и технически обеспечить это для всех в соответствии с принципом равенства”. Часть вторая статьи 19 Закона о государственном языке ведь устанавливает, что оригинальная форма личного имени другого языка пишется только в транслитерации латинского алфавита.

Кроме того, акцептованная Кабинетом министров концепция об идентификационных картах (*см. <http://www.pid.gov.lv>*) предусматривает, что после их внедрения большей части жителей Латвии уже не будут необходимы паспорта.

С учетом того, что Кабинет министров при выборе в паспорте места записи оригинальной формы личного имени другого языка не сделал всего необходимого, чтобы отображение личных имен в самой меньшей мере затронуло индивида, норма пункта 6 правил № 310 о записи оригинальной формы имени и фамилии в графе паспорта “особые отметки” несоразмерно ограничивает частную жизнь индивида и поэтому не соответствует статье 96 Конституции, а также части второй статьи 19 Закона о государственном языке.

4.4. Правила Кабинета министров № 295 наряду с отображением оригинальной формы личного имени других языков предусматривает также так называемое **приравнение** имени и фамилии – подбор формы имени и фамилии к действующим нормам латышского языка. Приравнение применяется в том случае, если нынешнее использование имени и/или фамилии в документах лица противоречит нынешним нормам латышского языка.

Исходя из пункта 6 правил № 295, приравнение можно произвести: во-первых, если документы выдаются в первый раз, например, при выдаче свидетельства о рождении; во-вторых, если они выдаются повторно, например, в случае потери паспорта или истечения срока его годности.

В свою очередь, пункт 7 правил № 295 указывает, что отображение имени или фамилии и приравнивание формы могут произвести:

отделы актов гражданского состояния самоуправлений (если приравнивание не произведено при выдаче паспорта) – путем внесения записи в регистр актов гражданского состояния, а также выдачи на основании прежней записи повторного свидетельства о регистрации гражданского состояния;

Управление по делам гражданства и миграции – путем выдачи нового документа личности (если приравнивание не произведено путем выдачи свидетельства о регистрации гражданского состояния);

дипломатические и консульские представительства Латвийской Республики в иностранных государствах – путем выдачи документа личности.

Если фамилия заявительницы в паспорте была бы отображена не как *Mencena*, а, например, *Mentcena*, то согласно существующему порядку в случае утери паспорта должностные лица упомянутых органов были бы вправе в новом паспорте при приравнивании исключить из фамилии букву “t”.

Имеющиеся в деле материалы (см. стр. 416-456 дела) также свидетельствуют, что такое приравнивание формы имени и фамилии, причем, не только в связи с лицами, которые вступили в брак с гражданином другого государства или иностранным подданным, достаточно широко распространено

Кроме того, раздел II проекта “Правил о написании и использовании в латышском языке личных имен других языков” Кабинета министров (см. стр. 246-280 дела) также предусматривает повторное приравнивание, которое при выдаче новых паспортов могло бы затронуть не только лиц, личные имена которых отображены после вступления в брак с гражданином другого государства или лицом без гражданства, но и значительную часть прочих жителей Латвии.

В использовании и написании личных имен необходима точность и последовательность. Однако, после восстановления независимости Латвии до сих пор использование и написание личных имен регулировали как несколько правил Кабинета министров, так и различные инструкции (см. Об

использовании и написании имен и фамилий на латышском литературном языке. Центр государственного языка ЛР, 1999; правила № 295).

При предусмотрении возможности отображения оригинальной формы личных имен других языков на латышском языке государство одновременно должно заботиться о стабильности личных имен и в дальнейшем обеспечивать их стабильность. И хотя правила № 295 приравнивание имени или фамилии действующим в настоящее время нормам латышского языка не считают сменой имени или фамилии, однако, такой порядок создает некоторую нестабильность, так как индивид непрестанно вынужден сталкиваться с фактом, что его идентичность и связь с семьей подвергается сомнению.

С момента записи отображенного личного имени в паспорт Латвийской Республики лицо имеет право не только пользоваться им, но и его защищать. Ошибки или неточности работников вышеупомянутых органов при применении правил о написании и использовании в латышском языке личных имен других языков, а также новые языковедческие заключения не могут служить причиной того, чтобы было изменено написание личного имени, в свое время отображенное и зафиксированное в документах личности.

Поэтому приравнивание личных имен, если ранее уже было произведено их отображение и если индивид сам этого не желает, по сравнению с легитимными целями установления ограничения частной жизни лица является несоразмерным.

5. Кроме того, в целях идентификации лица, а также для того, чтобы по возможности сохранялась стабильность личных имен и не были несоразмерно ограничены закрепленные статьей 96 Конституции основные права человека, Конституционный суд обращает внимание Кабинета министров на то, что следует оценить не только регламентируемый правилами № 295, но и предусмотренный проектом “Правил о написании и использовании в латышском языке личных имен других языков” порядок приравнивания личных имен.

На основании статей 30-32 Закона о Конституционном суде Конституционный суд

р е ш и л :

1. Признать, что статья 19 Закона о государственном языке соответствует статьям 96 и 116 Конституции Латвийской Республики.

2. Признать правила № 295 Кабинета министров от 22 августа 2000 года в части о приравнивании отображенных и записанных в паспорта Латвийской Республики личных имен, если лицо этого не желает, не соответствующими статьям 96 и 116 Конституции Латвийской Республики.

3. Признать пункт 6 правил № 310 Кабинета министров от 24 октября 1995 года и пункт 3.8 инструкции “О порядке применения “Положения о паспортах граждан Латвийской Республики”, утвержденной 10 ноября 1994 года приказом № 52 директора Департамента гражданства и иммиграции, не соответствующими статьям 96 и 116 Конституции Латвийской Республики и утратившими силу с 1 июля 2002 года.

Решение вступает в силу в момент его объявления. Решение окончательно и обжалованию не подлежит.

Решение объявлено в Риге 21 декабря 2001 года.

Председатель заседания
Конституционного суда

А.Эндзиньш

